Поиски звезд. Не на небе

Общая газ. - 1999. - 17-23 июня. - с. 14

О тонкой материи элегантности мы беседуем с Ирэн АНДРЕЕВОЙ, вице-президентом Союза дизайнеров России. Читатель, думается, помнит это имя. Ирэн Александровна много лет работала главным искусствоведом Общесоюзного дома моделей на Кузнецком – вплоть до своего избрания в горбачевский Верховный Совет.

– В наши дни о человеке не скажут – «он элегантен», скорее – «он стильно одевается». В чем, по-вашему, разница между этими понятиями?

– Если чувство стиля воспитываемая вещь, то элегантность – врожденное свойство, вроде слуха или вкуса. В элегантном человеке сочетается все: внешние природные данные, жесты, речь, осанка, выражение лица. Последнее – самое сложное. Не продается, не покупается, имиджмейкерами не делается.

– Чего никогда не сделает элегантная дама?

– Она лучше лишится необходимого, чем позволит себе лишнее – слой тени ли у глаз, бантик на блузке. Понятие элегантности всегда связано с отсутствием перебора. А существует оно с XVIII века, когда стали цениться черты простоты и в моду вошел стиль ампир, сменивший пышность громадных кринолинов, причесок с кораблями и лестницами. Народного костюма веяния не коснулись, народный костюм вне моды, он имеет лишь традиции.

– Существует ли для вас универсальная формула элегантности?

– Жак Кокто сказал: умение одеваться так, чтобы не вызывать удивления. Уместность – главное в одежде. Уместность – тонкая штука. Уместность одежды на службе, во взаимоотношениях с начальством и коллегами, в больнице, на детском празднике... Это, наверное, странно, но среди профессиональных красавиц-манекенщиц элегантностью обладают далеко не все.

Элегантность не связана с физическими данными, с достатком, богатством, а тем более возрастом. Французы не случайно говорят «женщина элегантного возраста» – молоденькой девочке невозможно быть элегантной. Эта деталь возрастного порога о многом говорит – должно быть нечто в самом человеке, а его юбка – это уже потом...

Ведь не по разрезу же глаз мы узнаем «человека интеллигентного вида». На лице читается.

– Вам встречались в жизни по-настоящему элегантные люди?

– Необыкновенно элегантной была Галина Евтушенко. У Ангелины Степановой, замечательной актрисы, прирожденная элегантность – стержень. Она способна любой одежде придать стилевую основу, потому что элегантный от природы человек поразительно многое может преобразить. Константин Симонов – я имела счастье видеть его многажды в разных ситуациях... Когда мы впервые встретились, у него на плечах висела домашняя куртка, и я подумала: боже, что за куртка такая, ведь не бедный человек и по миру ездит. Но стоило ему повернуться... Он, я уверена, выглядел бы отлично и в старой гимнастерке, и в кирзовых сапогах. Удивительное свойство. Я думаю, элегантным не может быть пустой человек.

Сергей ХВОРОСТОВ

Ирэн Александровна и Михаил Сергеевич

– То есть вместо вещевых рынков стоит почаще ходить в библиотеку и в концерт?

– Да, это хороший стимул к тому, чтобы не прятаться от зеркала.

– А как вы думаете, может ли быть элегантным человек, мягко говоря, не худой?

– Сколько угодно! Другое дело, что любой портной подтвердит: комплексы у всех – и у худых, и у полных: «то у меня не так, это не так».

– Почему, Ирэн Александровна?

– Наследственность долгих советских лет дефицита и убожества. Сейчас нет издания без раздела мод, и я этим счастлива. Но – следующий перекос: теперь со всех сторон объясняют, что такое красота и как же нам далеко до истинных стандартов (мешают животы и прочие гадости). Личики в рекламе показывают. На мой взгляд – неинтересные, статичные. Представляете, что произойдет, если все блондинки станут такими, как в рекламе жвачки или сыра? Образцы товара – не житейские образцы. А женщины комплексуют.

Стандарт – самое ужасное. Подведение под звезд. Звезда, оказывается, и эта, и та. А настоящие звезды – Орлова, Маньяни, Раневская... Что общего с личиками?

– Но мужчинам-то нравится белозубое, стройное, двухметровое.

– Тоже заблуждение. Почему француженка с кривыми ногами всегда красавица, а русская – «что вы, у нас красавица Нина или Оля, Лена, а я никуда не гожусь». Мы так воспитаны, что сами себе не нравимся. Но ведь – вранье! Женщина – всякая, все равно объект вожделения мужчин, исходя уже из той, не нами придуманной истины, что она – иная. И мужчины тоже объекты женского вожделения. Если бы мужчины действительно любили стандарты, эталоны, то и мы бы любили мужские эталоны. А посмотрите на наших мужей и не мужей. Часто не Аполлоны, а какими любимыми бывают, нужными, необходимыми и желанными. Я всегда жалею девушек, что ставят себя в слабую позицию.

– Ну, им и окружение помогает: не умеем относиться друг к другу с пониманием. Вот завидовать – это да.

– Зависть и зависимость – однокоренные слова. Свободен тот, кто не завидует. Эти резолюции, приговоры ближнему ужасны. Все осуждают и никто не говорит комплиментов: ах, какое на вас платье, как вы хорошо выглядите. Комплименты снимают комплексы. Трудно быть элегантной в стране, где никто никого не замечает. Крупные по талантам люди никогда не забывали сказать человеку приятное – это как рука с открытой ладонью, не стоит ни рубля, а как сияют глаза.

– Вы много лет занимались советской модой. Можете сегодня сказать с уверенностью, что модно, а что нет?

– Законодательная мода умерла, и слава богу. Люди наши живут в новую пору, одеваются лучше, разнообразней. Многие посмеивались над малиновыми пиджаками «крутых», а я искренне радовалась – все же не двойка фабрики «Большевичка». Не могу сказать, что сегодня модно, а что нет. Плохо одетый человек для меня сегодня тот, кто без перчаток, когда холодно – руки красные. Плохо, когда дорого одет, но неуместно.

– Если говорить о 90-х, что бы вы главное отметили в связи с нашей темой?

– Обувь всегда была каким-то проклятьем для нашей страны, хоть кожа – национальный промысел. Петр Первый запрещал царапать свой пол гвоздями подошв. Салтыков-Щедрин про управу рассказывал – туда ходили с сапогами на плече, у крыльца мыли ноги в луже, а уж потом надевали сапоги. Наши женщины сколько лет за обувью охотились? Сейчас обувь чудная, ничего не весит, шнурки тянутся – у старших полдетства ушло на завязывание-развязывание шнурков. Старушки в кроссовках ходят – им мягко, у них от советской обуви ноги до сих пор болят. Китай пуховые беретики делает, и хорошо, не вязаные шапки носим, над которыми мир смеялся. Если говорить о главных фигурах 90-х – это не политики. Я бы памятник поставила челнокам.

– Ирэн Александровна, мы одно время привыкли видеть и слышать вас по телевидению, а потом вы пропали. Как вам жилось?

– В 92-м нас, депутатов горбачевских времен, выкинули, не сказав ни «спасибо», ни «до свиданья». Я провела три года в Верховном Совете как в бункере, обходилась бульоном из кубика, не замечая за делами ни бушующей инфляции, ни талонов на еду. Когда очнулась, увидела в своем домашнем коридоре полмешка сахара и крупу в пакетах – муж работал на телевидении, там случались какие-то заказы...

Что выгнали – ладно, но ведь я на три года выпала из профессии. Попыталась создать собственную фирму по дизайну, книгоиздательскую. Дело шло невесело, потому что надо было давать взятки, а давать взятки – значит все время дрожать, это отвратительно. Обманывали банки, таможня, сотрудники надували. Промаялась до 96-го и решила, что хватит. Сейчас я работаю в Союзе дизайнеров России, но, к сожалению, и в этом учреждении мало что радует. Всё вместе: платья, трактора, колеса... «Ты мне, я – тебе» – не умею так жить, и не живу. Это плохая сторона моей жизни, неинтересная...

– Давайте про интересное: как вы относитесь к эротике на телевидении?

– Есть высокая эротика с хорошей цензурой. Но когда в одной комнате телевизор смотрят и старики, и дети, все определяется уровнем культуры семьи. Про одно и то же врач скажет «ягодицы», модельер «линия бедра», а рабочий со стройки сами знаете что. Так что – один канал и поздно ночью.

– Что бы вы сказали о теме: российская женщина и красивые вещи?

– Когда все станет на свои места, одеваться они будут хорошо. Главная черта наших женщин кроме совестливости – ухватистость. Переймут лучшее.

Наталья КРАМИНОВА